

**Два большевизма,
или место Октября в Русской революции**

В 1991 г., рецензируя очередной труд Р. Пайпса о Русской революции, П. Кенез остроумно заметил: на Западе всегда считалось, что подлинная история советского периода откроется лишь тогда, когда откроются советские архивы, но архивы открылись — и ни один западный исследователь не объявил в этой связи, что он пересматривает свои прежние убеждения и утверждения¹. Я об этом писал когда-то, анализируя и более поздние западные исследования о России², но совсем недавно это вспомнилось в размышлении о проблемах историографии отечественной. И вот по какому поводу.

В мае 2012 г. на заседании круглого стола историков «Сталинизм и крестьянство» В.В. Кондрашин возмущенно отреагировал на выступления некоторых коллег: «Все это реанимация самых реакционных взглядов трапезниковщины и сталинской пропаганды». Он назвал ряд исследований, которые многие современные критики сталинизма не желают принимать во внимание. «Почему-то все забыли о результатах грандиозного проекта Данилова—Шанина о крестьянской революции в России», — грустно констатировал Кондрашин — один из самых последовательных и трудолюбивых продолжателей работы по изучению этой революции.

Со сталинизмом такое уже бывало. После хрущевских разоблачений все дружно, как и положено в тоталитарном обществе, принялись разоблачать сталинизм. Хотя были важные исключения из этого «мейнстрима». Пока официальная историография и пропаганда создавали видимость искоренения сталинизма, историки нового направления взяли и в самом деле копнули под корень, показав, что накануне «Великого Октября» не было в России никакого капитализма в западном понимании этого слова, а

ведущую роль в революционных событиях играли представители самого антикапиталистического сословия — общинные крестьяне. Это уже было покушение на святое, на идею гегемонии пролетариата в революции, на миф о воплощении марксовой революционной «науки» в российской революционной практике. Судьба этого направления в советской историографии известна — забвение надолго (не по настоящее ли время?).

Казалось бы, в антикоммунистические и антимарксистские 90-е все то, что таило угрозу марксистско-большевистской догме, должно быть востребовано. Ан, нет. Наследие историков нового направления представляло основной интерес как раз для участников исследовательского проекта «Крестьянская революция в России 1902—1922 гг.», а основные итоги и результаты этого проекта, как выясняется, не очень-то корреспондируются с умонастроениями тех, кто работает в сегодняшнем «мейнстриме». Опять повторяющийся сюжет: в начале 60-х каждый новый провал хрущевской политики работал на реинкарнацию сталинизма без Сталина («ползучий сталинизм») в политике и идеологии; в девяностые и нулевые многочисленные провалы в политике «капиталистической революции» опять выбивают почву из-под ног революционеров от истории, уже успевших предать анафеме большевистский Октябрь и сталинскую коллективизацию. Во взглядах на великодержавное прошлое все больше ностальгической теплоты. Все реже слышны мелодии исторических альтернатив, безумно популярные 15—20 лет назад.

Ну, какие альтернативы? Если сегодня не получается в стране никакой демократии, а только олигархия и старая добрая бюрократия, уместно ли говорить о демократической альтернативе большевизму в Октябре и сталинизму в 30-е?

Тут более уместен другой вопрос, не риторический. Хотя либеральный тип мышления у нас в последнее время очень окреп, и это достойно всяческого уважения. «Либерум» — свобода, и невозможно не уважать

соотечественников, приверженных этим идеалам. Для них и этот вопрос — отнюдь не риторический. Они отвечают: да, уместно! К сожалению, многим из них такой ответ представляется неременной составляющей их сегодняшней борьбы за демократию в России, их сегодняшней пропаганды свободы. А это не совсем так. Философы знают, что путь к свободе всегда пролегает через адекватную самооценку. Убежден, что представление о демократической альтернативе большевикам в 17-м и о бухаринской альтернативе коллективизации в 30-е, вполне эффективное как инструмент интеллектуального поиска, основано на не вполне адекватной оценке ряда важных факторов, работавших в то время.

Возвращаясь к более уместному вопросу: *почему все-таки большевики?* Хорошо бы поискать ответ на этот вопрос, пройдя между Сциллой и Харибдой (где Сцилла — надоевшие вариации на тему «ошибки истории» и/или чьих бы то ни было заговоров против матушки-Руси и «народа-богоносца»; Харибда — разные варианты возврата к официальной мифологии советской поры о большевиках-коммунистах как воплощении нужд и чаяний трудового народа)³.

Для начала можно вспомнить, что Н. А. Бердяев всегда гордился тем, как он в статье «Из психологии русской интеллигенции» еще за 10 лет до октябрьских событий предсказал победу большевиков в Русской революции⁴. Ну не видел великий мыслитель перспектив похода в высшую власть погромщиков-черносотенцев, а тем более либеральной профессуры. Это похоже на то, как из московского и ленинградского мэртства профессоров Г. Х. Попова и А. А. Собчака не вышло ничего путного, кроме Ю. М. Лужкова и В. В. Путина. Вот здесь, подозреваю, современные либералы со мной согласятся, поскольку так же не приемлют режим Ленина в прошлом, как режим Путина в настоящем. Хотя, наверное, сам Путин в душе был бы польщен таким уподоблением. Так в свое время был откровенно польщен М. С. Горбачев, когда один

авторитетный коллега-историк уподобил его П. А. Столыпину⁵, что сразу же породило одну из самых популярных легенд современной мифологии: на смену советской лениниане пришла «столыпиниана»⁶, вполне сгодившаяся и в период ельцинского правления.

Не станем вспоминать, в силу каких свойств русской интеллигенции Бердяев полагал бесперспективными устремление во власть любых ее отрядов, кроме ленинской когорты. Лучше вспомним, что он писал о Ленине и о его переработке марксизма применительно к России: «Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма. ...Либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием. Это было определено всем ходом русской истории, но также и слабостью у нас творческих духовных сил. Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа... В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе... Роль Ленина есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях. Ленин потому мог стать вождем революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом... Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного мирозерцания с

гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике»⁷.

Казалось бы, трудно написать для русского читателя что-либо более лестное о марксизме, большевизме, о Ленине. Но вышедшую в Берлине в 1937 г. книгу Бердяева об истоках и смысле русского коммунизма в СССР можно было почитать только в спецхранах больших библиотек с допуском от госбезопасности. Такой допуск давали в основном тем, кто профессионально занимался критикой всякого рода антисоветчины. В данном случае антисоветчина заключается в том представлении, что большевизм стал формой возврата к чему-то традиционному, вековечному. Советская мифология исходила из другого: развитие капитализма в России в пореформенный период достаточно основательно порушило патриархальное прошлое страны и в то же время создало почву для той самой пролетарской революции, о которой говорится в марксизме и которая, собственно, и произошла в октябре 1917 г. И с крестьянским большинством населения страны этой революции было по пути ни в коем случае не в силу его общинной патриархальности (каковая очевидна для любого непредвзятого историка), но в силу нараставшего капиталистического характера его эксплуатации (выявление какового характера было одной из задач советской историографии).

Поэтому на Западе продолжали появляться работы, невозможные в СССР. Так, один американский историк поставил перед собой задачу разъяснить тот «великий парадокс современной истории, что марксизм, который был неизменно враждебен к живущим и работающим на земле, во всех случаях пришел к власти на спинах возмущенных крестьян»⁸. В главе, посвященной российским событиям он по существу впервые в научной литературе поставил вопрос о том, как соотносятся и какое влияние оказывают друг на друга процессы крестьянской революции в деревне и политической революции в городе, как эти линии расходятся в годы гражданской войны, как деревня заставляет

центральную власть следовать в русле своих интересов в начале 1920-х гг. Другой американский исследователь, изучая вопрос о месте крестьянства в становлении коммунистического режима в России, взял на себя труд взглянуть на большевистскую партию без антикоммунистической зашоренности и обнаружил, что большевики, по свидетельствам современников, думали, чувствовали и поступали иначе, чем представители всех других политических партий страны⁹. Более того, они были в непримиримой оппозиции ко всей остальной политической палитре города — от буржуазных либералов и социал-демократов до реакционеров и черносотенцев. Они чувствовали себя монополистами какой-то очень важной теоретической истины и клеймили носителей других теорий «ревизионистами» и «ренегатами»¹⁰, полагая, что в стране можно и нужно организовать все «по уму», «по науке», придя к власти и не деля ее ни с какими ренегатами. Не аналогичное ли отношение к хитросплетениям городской политики и политической риторики было характерно для российского крестьянства начала XX в., искренне недоумевавшего, почему нельзя в стране решить земельный вопрос в одночасье и по уму, как это веками делалось на мирских сходах?

У большевиков и «марксизм»-то (тот, который «пришел к власти на спинах возмущенных крестьян») был весьма специфический. В статье «Марксизм и ревизионизм» Ленин довольно ярко и эмоционально писал о том, что не могло не возмущать его партию в творческом подходе европейской социал-демократии к теоретическому наследию великого Маркса. Европейцы, как и российские меньшевики, увидели здесь идеи цивилизованного рынка, регулируемого либерально-демократическим государством, и возможность в этих условиях для рабочих, крестьян и других классов и слоев населения отстаивать свои интересы парламентскими средствами. Большевики же развивали те положения из работ Маркса, где речь шла о диктатуре пролетариата, т. е. переходе к коммунизму, не делясь властью с

непролетарскими, небольшевистскими партиями, и о самом коммунизме как отсутствии рыночных, товарно-денежных отношений, отсутствии бедности и богатства, воплощении идеала социальной справедливости.

В книге «Государство и революция», которую Ленин увлеченно писал в июле—августе 1917 г., скрываясь в Разливе от ищек Временного правительства, вождь большевиков поступил как толкователь священного писания. Он выдернул несколько цитат из статьи Маркса «Критика Готской программы», как раз о диктатуре пролетариата и о коммунизме (это определение коммунизма потом вошло во все редакции программы КПСС), и подробнейшим образом расписал, как ему виделось воплощение всего этого в тогдашней российской политической ситуации. Впрочем, книгу свою он до конца не дописал и отправился, вопреки предостережениям товарищей по ЦК, в Питер, якобы при этом заявив, что делать революцию интереснее, чем о ней писать. Вождь большевиков пробирался в Петроград делать революцию, которая, по его мнению, открывала перспективу строительства коммунизма в его классическом определении как посткапиталистического общества, где товарообмен уступает место справедливому распределению общественных богатств.

Но именно такая революция к тому времени уже более полутора десятилетий — с весны 1902 г. — развивалась в России. Делали ее *другие большевики* — крестьяне. Делали с тем упорством и последовательностью, которые характерны для земледельца. Делали организованно и предельно четко осознавая свои цели, о чем свидетельствует история двух съездов Всероссийского крестьянского союза (ВКС) в июле—августе и ноябре 1905 г., так ужаснувших царскую администрацию, что эта (политическая) деятельность крестьянства была загнана в глубокое подполье вплоть до мая 1917 г. — до I Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Эти ясно и четко осознаваемые цели революции все политические силы России воспринимали как несбыточные, утопические — все

кроме большевиков, левых эсеров и самих крестьян. И именно на осень 1917 г. пришелся очередной пик этой длительной и упорной революции — пик мощный, но не первый и не последний. Это к вопросу о месте «Великого Октября» в революции.

Теперь остановимся еще на двух вопросах: 1) что это были за цели, и почему большевики не видели в них ничего нереального; 2) зачем в контексте данной статьи понадобились эти опасные игры с брендом «большевики, большевизм».

Цели революции определились к ноябрю 1905 г., когда на делегатское совещание ВКС собрались 187 участников, представлявших практически всю обширную географию империи. Две трети делегатов были избраны общинными или волостными крестьянскими сходами, что значительно упрощало процедуру делегирования и в то же время повышало качество представительства. Участники сходов хорошо знали, кого и почему они посылают выражать свои интересы на съезде¹¹. Среди делегатов был даже один помещик, который объяснял, что был направлен на съезд, поскольку призывал крестьян к захвату всех земель и недоверию политике правительства¹².

Протоколы совещания были изданы в 1906 г. Эти документы доносят речи выступавших на форуме крестьянских делегатов, по большей части не очень похожие по форме на выступления записных трибунных ораторов. Но главное тут было не в форме, а в принципиальном единстве содержания: вся земля должна принадлежать крестьянам на началах уравнительного общинного владения; чиновничество всех уровней должно быть выборным на основе всеобщего избирательного права (примечательно, что некоторые выступавшие говорили о необходимости наделения избирательным правом и женщин, что, по их словам, помогло бы бороться с пьянством); органы местной власти должны на основе центрального финансирования и самофинансирования располагать широкими полномочиями в земельном вопросе, в сфере образования и

здравоохранения; на уровне общегосударственного устройства виделось что-то вроде конституционной монархии или даже парламентской республики¹³.

Разумеется, после этого на руководство и актив ВКС были обрушены репрессии, последовал арест «главного комитета». В 1906 г. Союз вынужден был перейти на полулегальное положение, а в дальнейшем полностью прекратить существование. Но к этому времени крестьяне уже весьма активно пользовались такой возможностью доведения до «верхов» своих программных требований, как наказа депутатам Трудовой фракции в Государственной думе, которая возникла в апреле 1906 г. как организация крестьянских депутатов I Государственной Думы. Более 4/5 депутатов Трудовой фракции в I и II Думах были крестьянами, остальные были выходцами из рабочего класса и интеллигенции, но в большинстве своем крестьянского происхождения, почему и были выбраны крестьянами.

После опубликования 6 августа 1905 г. указа об учреждении Государственной думы и Положения о выборах в нее, несмотря на официальное запрещение «представлять словесные и письменные просьбы» в Думу, мирские приговоры — скрепленные личными подписями письменные решения крестьянских сходов, носившие публично-правовой характер — появляются в массовом количестве. Причем реальное их значение оказалось несравненно большим, чем просто информация для высших властей о насущных нуждах крестьян. Публикация этих документов в «популярных» газетах имела мощный общественный резонанс. Читающая российская общественность получала еще одну возможность взглянуть на стомиллионную деревню без предубеждений и мифов. По свидетельству В.Г. Короленко, появление в газете первого такого постановления «произвело на многих эффект какой-то бомбы»¹⁴.

Содержание крестьянских приговоров и наказов не оставляет сомнений в том, насколько глубоко осознавали крестьяне к этому времени свои интересы в революции и насколько едины были интересы крестьян-общинников

разных регионов России. Приговоры с требованиями передачи земли «в общую собственность всего народа», направляемые в Думу из различных регионов, позволили трудовикам 23 мая 1906 г. внести на рассмотрение Думы «Проект основных положений земельного закона» (проект «104-х»), который предусматривал ликвидацию помещичьего землевладения и решение земельного вопроса самими крестьянами через институты общинного самоуправления. Ленин писал об этом документе как о выдающемся продукте «политической мысли крестьянской массы в одном из важнейших вопросов крестьянской жизни»¹⁵, называл его «славной и основной платформой всего российского крестьянства, выступающего как сознательная общественная сила»¹⁶.

Оставим в стороне столыпинский период революции, который в советских учебниках истории назывался не иначе как «столыпинская реакция», а в постсоветских безудержно идеализировался. Отметим лишь, что, насколько далеко цели аграрной реформы расходились с целями крестьянства, настолько эффективно последнему удавалось саботировать правительственные поземельные мероприятия¹⁷.

Новая мощная попытка осуществить взятие всей земли в общинное пользование приходится на весну—лето 1917 г. При делегировании на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов (4—28 мая) женщины и молодежь до 25 лет наделялись активным и пассивным избирательным правом, т. е. могли быть и делегатами съезда. Наибольшая численность делегатов съезда составила 1 353 человека, включая 681 представителя от армии и 672 от сельских обществ (для сравнения: численность участников I съезда Советов рабочих и солдатских депутатов составляла 1 080 человек)¹⁸. Председатель съезда Н. Д. Авксентьев и другие правозэсеровские руководители предпринимали отчаянные попытки удержать принимаемые резолюции в духе верности Временному правительству и упования на Учредительное собрание. Характерен эпизод, когда эсер из Саратова Евсеев огласил совместную резолюцию делегатов Поволжской

области и Казанского военного округа, в которой Временному правительству предъявлялись все те же требования: немедленно объявить землю достоянием всего народа и до Учредительного собрания передать сельскохозяйственные земли, леса и воды в заведование земельным комитетам и другим органам народного самоуправления. Предвидя дежурные возражения со стороны руководства съезда, он фактически предложил съезду взять полноту законодательной власти в свои руки: «Здесь говорят, что у Временного правительства нет права объявить такую вещь, такую резолюцию. Верно. Но я вас спрашиваю: у вас, избранников народа, разве этого права нет? Разве вас сюда прислали за тем, чтобы только писать бумажки? Если вы пришли сюда творить жизнь, вы должны ее творить, а не оставлять на будущее...»¹⁹.

А на местах крестьяне действительно претворяли это требование в жизнь, не дожидаясь декретов и постановлений. С марта по сентябрь по 28 губерниям Европейской России статистика фиксирует более 15 тыс. открытых выступлений крестьян против частного землевладения²⁰. Временное правительство усугубляло шаткость своего положения (видимо, слабо отдавая себе в этом отчет) активными попытками подавления крестьянского движения с помощью военной силы. Солдаты тыловых гарнизонов отказывались стрелять в крестьян, часто переходя на их сторону. Земельные собственники требовали от властей прислать «дисциплинированные части». А поскольку таковыми частями зарекомендовала себя в основном кавалерия, казачьи подразделения, то в губернии, в которых они не были расквартированы, всерьез готовился перевод кавалерии и казаков из других мест, в том числе и с фронта. Характеризуя обстановку в стране в 1917 г., В.П. Данилов писал: «Революционный напор сдерживался лишь сельскохозяйственными работами. Даже небольшая пауза между сенокосом и уборкой хлебов в июле сразу дала почти 2 тысячи официально зарегистрированных выступлений, связанных с нарушением земельных порядков.

Настоящая крестьянская война развернулась с окончанием полевых работ — в конце августа — сентябре. С 1 сентября по 20 октября было зарегистрировано свыше 5 тысяч выступлений... Требования крестьянских наказов стали осуществляться до принятия 26 октября 1917 года ленинского декрета “О земле”, включавшего в себя соответствующий раздел сводного наказа. И без этого декрета к весне 1918 года они были бы реализованы крестьянской революцией по всей России...»²¹.

В качестве одного из самых блестящих подтверждений этому можно привести историю с «Распоряжением № 3», которое было принято земельным комитетом Тамбовской губернии и подписано рядом других общественных организаций губернии. Сюда, на тамбовщину к этому периоду переместился эпицентр крестьянских «беспорядков». Знаменитое Распоряжение было принято 11 сентября 1917 г., т. е. за полтора месяца до Декрета о земле, и суть его заключалась в следующем. Поскольку разгром помещичьих имений шел в губернии полным ходом (только в сентябре насчитывалось 89 таких случаев), постановлялось брать имения с их землями и угодьями на учет с целью последующего перераспределения земель по справедливости. К январю 1918 г. эта деятельность была фактически завершена. И хотя товарищ министра внутренних дел Временного правительства 7 октября заявил о незаконности этой деятельности²², менее чем через три недели Декрет о земле ее, по сути, узаконил.

Позицию большевиков по земельному вопросу их харизматический лидер довольно ясно сформулировал еще в апреле: «В противовес буржуазно-либеральной или чисто чиновничьей проповеди, которую ведут многие с.-р. и Советы рабочих и солдатских депутатов, советуя крестьянам не брать помещичьих земель и не начинать аграрного преобразования впредь до созыва Учредительного собрания, партия пролетариата должна призывать крестьян к немедленному, самочинному осуществлению земельного преобразования и к немедленной конфискации помещичьих

земель по решениям крестьянских депутатов на местах»²³. Партия заняла резко отрицательную позицию по отношению к действиям Временного правительства, пытавшегося лавировать между демагогическими лозунгами и политикой «твердой руки». «Правительство дошло до такой наглости в защите помещиков, — пишет Ленин, — что начинает привлекать крестьян к суду за “самочинные” захваты. Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного собрания... С землей подожди до Учредительного собрания. С Учредительным собранием подожди до конца войны. С концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство в правительстве»²⁴.

Большевики, повторю, были единственной партией, которая, как и общинное крестьянское большинство, не уповала на возможность мудрого разрешения аграрного вопроса Учредительным собранием ко всеобщему благу, но считала необходимым немедленно узаконить требования, из года в год повторявшиеся в крестьянских наказах. Причем Ленину не было необходимости «в черепа сотней губерний ворочать» при составлении соответствующего декрета, когда его партия взяла власть. Ему очень помогли в этом аналитики эсеровской партии, которые свели воедино 242 наказа с мест, привезенные делегатами I Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Компактность получившегося документа говорила о единстве требований крестьян повсеместно. Опубликованный эсеровским изданием «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» 19 и 20 августа «Примерный крестьянский наказ о земле» был полностью включен в знаменитый декрет Советской власти. Прозорливость Ленина как политика состояла в понимании того, чего не хотели понимать другие: верховную власть в стране сможет удержать та партия, у которой хватит решительности дать этот декрет от имени этой власти.

Что же мешало самой влиятельной в народе партии эсеров занять аналогичную позицию? Левым — ничего, они поддерживали большевиков. А для правых, равно как и для других политических сил, которые исповедовали какие-то конституционно-правовые нормы и принципы, было над чем призадуматься. Например, у крупных землевладельцев была огромная задолженность банкам. К 1917 г. в 27 губерниях Европейской России порядка 32 млн десятин частновладельческих земель было заложено в банках. В основном это были земли помещиков, на которые претендовали крестьяне. Под залог земли частным владельцам было выдано банками более 32 млрд рублей — почти столько же, сколько на кредитование промышленности²⁵. Принимая все это во внимание, можно понять, что так беспокоило эсеров как наиболее последовательную народную партию, которая прежде выдвигала радикальное требование безвозмездной конфискации помещичьих земель. Это грозило неизбежным обрушением всей кредитно-финансовой системы страны, безнадежным обесценением банковских кредитных обязательств и ценных бумаг, превращением банкнот в пустую бумагу. А это уже означало полный распад экономики страны и либо полную зависимость от Запада, либо каким-то немыслимым способом выход из жесткой системы экономических (долги царского правительства) и политических (Антанта) обязательств перед Западом. Легче уж было уповать на то, что Учредительное собрание станет панацеей от всех этих напастей, дав скорое и вразумительное решение аграрного вопроса в России, которое устроит все заинтересованные стороны.

Означает ли вышесказанное, что большевики и были той истинно народной партией, на роль которой не без основания претендовали идейно-духовные наследники народничества эсеры? Последовавшие за Декретом о земле исторические события, связанные с военно-феодальной эксплуатацией государством деревни (военный коммунизм, коллективизация), показали, что, мягко говоря, это не так. А

жестко говоря, у современных писателей и пропагандистов антибольшевистского толка есть сколько угодно источников для творческого вдохновения.

Поэтому в заголовок этой статьи и вынесены «два большевизма»: необходимо подчеркнуть, в каком ложном положении оказываются сегодня те (а их много), кто ставит знак тождества между понятиями «большевистская политика» и «антинародная политика». «Даже фонетически, — пишет В. Э. Багдасарян, — слово «большевик» вызывало для слуха общинника ассоциации с крестьянским званием «большак». Не случайно, что в самые тяжелые периоды Гражданской войны Советская власть неизменно удерживала в своих руках как раз те территории, на которых до революции преобладало общинное землевладение»²⁶.

О большевизме российского крестьянства пишет и итальянский историк А. Грациози: «Кризис, вызванный войной, получил в бывшей Российской империи *парадоксальное разрешение*: народная (кое-кто говорит — плебейская) революция, с сильными антиавторитарными и антигосударственными чертами, привела к власти самую этатистскую политическую группу в стране... Этот парадокс воплотился в *двух большевизмах*, существовавших в конце 1917 — начале 1918 гг. С одной стороны, был большевизм крестьян и солдат, зачастую — крестьян-солдат, хотя также и крестьян-рабочих... Второй большевизм был “истинным”, т. е. большевизмом немногочисленной, но весьма деятельной политической элиты, состоявшей из нескольких интеллигентов и крепкого ядра практиков — о которых с гордостью говорил позднее Сталин — выходцев из народа, имевших небольшое или неформальное образование»²⁷. Мы лучше поймем, имеет ли право Грациози обозначать одним термином действия и ленинской партии, и осуществлявших свою революцию крестьян, если вспомним бердяевское определение большевизма применительно к Ленину: соединение предельного максимализма революционной идеи, тоталитарного мирозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы.

Тогда все сходится. Начнем с *крестьянского большевизма*. Писать о тоталитарном мирозерцании российских крестьян — что аксиому доказывать. Как мирской сход порешит, так и будет — общеобязательно. Мнение малого меньшинства старались, конечно, учесть, но уж как получится, на всех не угодишь. Справедливость таких мирских постановлений по большому счету ощущалась *всеми* — тоталитарно. Если же кто-либо один пойдет «супротив общества» (как в случаях со столыпинскими выделенцами) — это форс-мажор. «Единица — вздор, единица — ноль», как писал великий поэт, романтик той революции.

Несколько слов о том, почему для крестьянской революционной идеи к началу XX в. был характерен предельный максимализм. Крестьянин — максималист по своей натуре. Сама природа, с которой он — единое целое, веками учила его этому, чередуя урожайные годы с обычными и неурожайными. Урожай — все замечательно, неурожай — ложись и помирай. Формула максимализма: все или ничего, «пан или пропал». Кстати, о тоталитаризме общины: община пропасть-помереть не даст; там один за всех, все за одного. Идея у крестьянина не всегда была революционной, но всегда максималистской: вот бы голодов вообще не было, вот бы молочные реки и кисельные берега (одна из вариаций на тему: вот бы получилась у Т. Д. Лысенко ветвистая пшеница). С этим связано максималистское понимание свободы. Исследователи отмечали, что российские крестьяне, участвуя в войнах XIX в., имели некое смутное убеждение, что если пролить кровь за Отечество, то твоим родным и близким будет свобода. При этом спроси у них, о какой свободе речь, — не ответят. От кого свобода? От помещиков? Но помещики — важные участники морально-экономических отношений, важный страховочный механизм на случай голодного бедствия.

Так вот, по моему убеждению, в пореформенное сорокалетие максималистски понимаемая крестьянами

свобода превращается у них в революционную идею. Происходит это в связи с самоустранением помещиков из системы «моральной экономики», в связи с развитием товарно-денежных отношений (о чем писал Ленин в «Развитии капитализма в России»), в связи с вторжением рынка в поземельные отношения (что вступало в резкое противоречие с крестьянским здравым смыслом: земля — божья, земля — тех, кто ее обрабатывает). К началу XX в. помещики окончательно утрачивают в глазах крестьянства моральное право (другое право, формальное, для крестьян имеет не большое значение) владеть землей. Что и было сформулировано делегатами съездов ВКС в 1905 г. — и от этого максималисты-крестьяне не отступились в своей революции ни на йоту.

Доказывать, что большевики тоже были большевиками, здесь, наверное, не стоит. Демократический централизм, глубокое убеждение в абсолютной неправоте других политических партий, в отличие от «партии нового типа» — все это говорит само за себя. Даже своих однопартийцев меньшевиков они клеймили за предательство революционной идеи, за «соглашательство» и т. п. Здесь и тоталитаризм, и максимализм, как говорится, в химически чистом виде. Таким образом, для крестьян-большевиков конечная цель революционной деятельности — это полнота владения и распоряжения *всей* сельскохозяйственной землей в стране при минимальном участии государства в делах деревни; для большевиков-партийцев — это *вся* полнота власти в стране в форме диктатуры, для чего важнейшим и непременным условием, кстати, было максимальное присутствие государства в крестьянской деревне, не дать деревне уйти в полную автономию от города, от столицы, от вертикали власти. Столкновение двух большевизмов в Русской революции XX в. было неизбежно. Это была Гражданская война.

Помимо тоталитаризма и максимализма, Бердяев выдвигал другой важный критерий большевизма: гибкость и оппортунизм в средствах борьбы, в практической политике.

Вот уж чего было не занимать тем и другим большевикам. Крестьяне в своей борьбе за землю, промежуточным этапом в которой стал Декрет о земле, использовали все мыслимые и немыслимые средства, сочетая парламентские формы (съезды ВКД, петиции и наказания в Думы), открытые вооруженные выступления и куда более эффективные скрытые повседневные формы борьбы из арсенала «оружия слабых». Об оппортунизме большевиков, в котором их вождь любил обвинять своих оппонентов, многое говорит то, насколько лихо и эффективно Ленин использовал разработки глубоко презираемых им эсеров, поняв, что «Декрет о земле» — это единственно возможный путь к взятию власти.

Гражданская война стала новым важным этапом Русской революции. Революция была все та же, но этап — принципиально новый, так как у большевиков изменились цели. Коммунисты теперь всю свою изобретательность в средствах практической политики направляли на удержание власти любой ценой. Крестьяне, получив землю формально, включились в борьбу за то, чтобы стать на ней хозяевами фактически. В декабре 1922 г. этот этап завершился для них победой: Земельный кодекс РСФСР законодательно оформил главные требования крестьянской революции, подобно Основному закону о социализации земли 27 января (9 февраля) 1918 г., который детализировал и конкретизировал Декрет о земле. И опять, как и в октябре 1917 г., победа крестьян в революции не была поражением большевистской партии. Земельный кодекс, как и в свое время Декрет о земле, был мощным тактическим ходом ВКП (б), позволившим удержать власть, показавшим гибкость и оппортунизм в средствах борьбы. Временно тактически отступив под натиском революционеров-крестьян, революционеры-партийцы потом будут брать реванш. Но это уже выходит за рамки данной статьи.

Здесь затронем лишь еще один момент. На этой гражданской войне те и другие носители большевизма включили в арсенал средств борьбы зверину,

средневековую жестокость, тем самым лишний раз подтвердив какую-то свою глубинную общность. Крестьянская жестокость — это и вспоротые животы продотрядовцев, набитые зерном, и те же продотрядовцы, превращенные в сибирские морозы с помощью воды в ледяные глыбы, и многое другое, о чем было известно из советской литературы как о «зверствах кулачества»²⁸. Один из самых страшных примеров жестокости большевиков — деятельность командующего войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевского, назначенного туда для организации военных действий против повстанческой армии в крестьянской войне, известной как «антоновщина». Его приказами семьи повстанцев отправлялись в концлагеря, в селах, где было обнаружено оружие, брались заложники и расстреливались в случае дальнейшей недачи оружия, против восставших применялись химические отравляющие вещества. Подробности этой бесчеловечной деятельности партийно-государственного руководства до нас архивные документы²⁹.

Как указывал Данилов, «существовавшая бюрократическая система фиксировала на бумаге все, что предпринималось для разгрома войск Антонова. Зато о зверствах другой стороны документальных материалов мало. Они свои инструкции по этому вопросу даже в амбарные книги не записывали. Но есть свидетельства индивидуального порядка. И они говорят о том, что были и расстрелы, и издевательства, и рубка голов шашками. Рубка голов — это наиболее часто применяемая антоновцами казнь: берегли патроны». Размышляя далее о природе большевистской жестокости, ученый приходит к принципиальному выводу: «То крайнее ожесточение, которое проявилось в годы революции и гражданской войны, было производным сохранявшегося в России полукрепостнического режима и таких антикрестьянских пропомещичьих реформ, какой в действительности являлась столыпинская аграрная реформа... Историки еще долго будут спорить о том, насколько значительными были

созданные тогда хуторские и отрубные формы крестьянского хозяйства. Бесспорно другое: десятки и сотни тысяч обездоленных выбрасывались в город, который не мог их принять. Все они — и те, кто оказался в городе, и те, кто остался в деревне в состоянии скрытого аграрного перенаселения, скажут свое веское слово и в 1917-м, и в 1918—1922 годах. Именно из этих людей формировались впоследствии и продотряды, и беспощадные чекисты»³⁰.

Таким образом, Русскую революцию можно представить как тугой и сложный узел, в который сплелись действия общинного крестьянства и ленинской партии большевиков, направленные на достижение своих революционных целей. Были, конечно, там и другие вплетения, отнюдь не обделенные вниманием современных аналитиков. Но диалектику вот этого главного (убежден в этом) переплетения необходимо распутывать. А то, неровен час, Сцилла и Харибда, сомкнувшись, опять отправят этот узел вслед за Гордиевым.

Библиография и примечания

¹ *Kenez P. The Prosecution of Soviet History: A Critique of Richard Pipes' "The Russian Revolution"* (N.Y.: Knopf, 1990) // *The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present*. 1991. Vol. 50. № 3. P. 345.

² *Бабашкин В. В. Россия XX века: о некоторых подходах современной западной историографии* // *Куда идет Россия?* М., 1999.

³ Обращение к образу двух мифических скал мне и самому сперва показалось несколько напыщенным, но, подумав, я понял, почему это стоит оставить. Во-первых, сами скалы — часть мифологии, причем очень популярной. Во-вторых, обозначенные ими коммунистическая и антикоммунистическая мифологии/идеологии имеют свойство с грохотом смыкаться, сокрушая все, что стремится удержаться между ними, не впадая ни в ту, ни в другую крайности (*Прим. В. Б.*).

⁴ *Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1990. С. 93.

⁵ См. об этом: *Данилов В.П. Из истории «перестройки». Переживания шестидесятника-крестьяноведа* // *Новый мир России*.

Форум японских и российских исследователей. К 60-летию проф. Вада Харуки. М., 2001. С. 424—426.

⁶ См.: Кондрашин В.В., Слепнев И.Н. К 80-летию со дня рождения Андрея Матвеевича Анфимова // Отечественная история. 1998. № 3. С. 207.

⁷ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 89, 94—95.

⁸ Mitrany D. Marx against the Peasant. A Study in Social Dogmatism. Durham (North Carolina), 1951. P. 1 (cover).

⁹ Dinerstine G. Communism and the Russian Peasant. Glencoe, 1955. P. 6. В многочисленных интервью, которые исследователь провел с бывшими советскими крестьянами, волею судьбы оказавшимися в США и Канаде, обнаружилось не только отторжение и ненависть по отношению к большевистскому режиму, но и стремление понять и объяснить, оправдать действия большевистского руководства страны в той или иной исторической ситуации (Прим. В. Б.).

¹⁰ В хрестоматийных статьях «Марксизм и ревизионизм» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин камня на камне не оставляет от теоретических воззрений Э. Бернштейна и К. Каутского — именно тех людей, которые в германском рабочем движении по праву считались главными наследниками идей Маркса (Прим. В. Б.).

¹¹ См.: Куренышев А. А. Всероссийский Крестьянский союз 1905—1930 гг. Мифы и реальность. М., 2004. С. 32.

¹² Трудно удержаться от грустного сравнения с теми «народными избранниками», которых демократические механизмы современной РФ поставляют в представительные органы законодательной власти, но все же удержусь, чтобы не уводить разговор в сторону (Прим. В. Б.).

¹³ См.: Shanin T. The Peasant Dream: Russia 1905—7 // Shanin T. Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World. Oxford, 1990. P. 172—173.

¹⁴ Цит. по: Сенчакова Л. Т. Крестьянские наказания и приговоры 1905—1907 годов // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 59.

¹⁵ Ленин В. И. Выборы в Думу и тактика русской социал-демократии // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 42.

¹⁶ Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 245.

¹⁷ См.: *Бабашкин В. В.* Аграрная реформа П. А. Столыпина: непрекращающийся спор // *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития.* Омск, 2012. С. 12—16.

¹⁸ См.: *Лавров В. М.* «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917—1918 годах). М., 1996. С. 22, 28—29.

¹⁹ Там же. С. 102.

²⁰ См.: *Осипова Т. В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974. С. 227—243.

²¹ *Данилов В. П.* Не смей! Все наше! Крестьянская революция в России. 1902—1922 годы // *Россия.* 1997. Июль. С. 18.

²² Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917—1918): Документы и материалы: Серия: Крестьянская революция в России. 1902—1922 гг. / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2003. С. 13—16, 240—241.

²³ *Ленин В. И.* Задачи пролетариата в нашей революции // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 167.

²⁴ *Ленин В. И.* Уроки революции // Там же. Т. 34. С. 57.

²⁵ *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 7—8.

²⁶ *Багдасарян В. Э.* Устойчивость института крестьянской общины в России и парадигма «черного передела» // *Крестьянство и власть в истории России XX века.* М., 2011. С. 87.

²⁷ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933. М., 2001. С. 13—15.

²⁸ Для первой волны крестьянской революции в начале века все эти зверства были совершенно не характерны. Действия крестьян в основном отвечали принципу непротивления злу насилием, кровь крестьяне старались не лить, традиционно полагая это смертным грехом (*Прим. В. Б.*). — См. об этом: Отечественная история. 1996. № 4. С. 140—141.

²⁹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 16, 162, 178—179.

³⁰ Цвет гражданской войны и сегодня красный: беседа В. П. Данилова и И. Н. Муравьевой // *Век.* 1995. № 14. С. 14.